

УДК 1(091)

О ТОМ, КАК ПРАВИЛЬНО ФИЛОСОФСТВОВАТЬ: МЕТОД Л. ВИТГЕНШТЕЙНА¹

© **Николай Владимирович МЕДВЕДЕВ**

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и методологии науки
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: philosophy.tsu@mail.ru

© **Евгения Евгеньевна МЕДВЕДЕВА**

кандидат философских наук, преподаватель отделения информационных технологий
Университетского политехнического колледжа «Радиополитехникум»
Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого
195251, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Политехническая, 29
E-mail: sem.23@mail.ru

Проанализирован взгляд Л. Витгенштейна на правильный способ философствования, представленный в главных его сочинениях: «Логико-философский трактат», «Философские исследования», «О достоверности». Раскрыта внутренняя взаимосвязь между философской концепцией Л. Витгенштейна и его логической теорией. Эта взаимосвязь помогает понять, почему Л. Витгенштейн рассматривает формулу «ничего не говорить» как правильный метод философии. Предложенная интерпретация метода Л. Витгенштейна основывается на идее преемственности разных периодов его творчества. Отправной точкой для проведения Л. Витгенштейном своих философских исследований стало желание осмыслить и проанализировать те безвыходные ситуации, в которых может оказаться человек, если он вовлечен в философские поиски. Метафора о «странствиях» Л. Витгенштейна означает, что составленные им наброски должны служить своего рода указателями верного направления в случае столкновения человеческой личности с концептуальными замешательствами. Целью философии провозглашается «логическое прояснение мыслей». Все это ясно указывает на наличие тесной взаимосвязи между пониманием природы логики и философии в ранней работе Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат». Л. Витгенштейн отвергал представление, согласно которому философия должна давать «объяснение». Философские проблемы носят концептуальный, а не эмпирический характер, их появление обусловлено нарушением логики повседневного языка. Такое понимание природы философских проблем сохраняется у Л. Витгенштейна в поздний период его творчества.

Ключевые слова: Л. Витгенштейн; философская проблема; логика; метод; предложение; язык; языковая игра

1. Введение

Вопросы о природе философских проблем и способах их решения всегда были предметом устойчивого и заинтересованного внимания выдающегося австрийского мыслителя Людвиг Витгенштейна (1889–1951). К этой теме он обращался постоянно и целенаправленно на протяжении всего своего научного творчества. Следует сказать, что процесс осмысления и адекватной оценки витгенштейновского подхода к философии испытал заметную эволюцию, что нашло отражение в работах зарубежных и отечественных исследователей. Если поначалу данный вопрос рассматривался в контексте обсуждения неопозитивистской программы «упразд-

нения философии» как теоретической науки, то со временем специалисты стали отграничивать метод Витгенштейна от чисто позитивистских установок, акцентируя своеобразие позиции австрийского мыслителя и связывая ее с критическим отношением философа к сциентистскому духу современной западной цивилизации [1, с. 64].

В § 123 «Философских исследований» (1953) Л. Витгенштейн заявляет: «Философская проблема имеет формулу: «я в тупике» [2, с. 130]. Другими словами, проблема философии, как правило, предстает перед нами в виде трудной мысленной ситуации, из которой мы можем найти выход. Вполне естественным выглядит намерение отдельных авторов [3] связать данную заметку Л. Витгенштейна с метафорой о «странствиях», которая встречается в Предисловии к «Философским исследованиям». Вот как звучит

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 16-33-00048, проект «Проблема понимания иных культур: философско-методологический анализ».

данный фрагмент: «Философские заметки в этой книге – это как бы множество пейзажных набросков, созданных в ходе этих долгих и запутанных странствий» [2, с. 77]. Можно высказать следующую мысль: отправной точкой для проведения Л. Витгенштейном своих философских исследований стало неукротимое желание осмыслить и проанализировать те безвыходные ситуации, в которых может оказаться любой человек, если он вовлечен в философские поиски. При постановке философской проблемы мы словно оказываемся на перекрестке дорог и не знаем, какая из них выведет нас к конечной цели, то есть решению или устранению определенной философской проблемы. Долгие и мучительные «странствия» могут завести нас, образно выражаясь, в глухой непроходимый лес, из которого мы не ведаем, как выбраться. Бесплодные наши попытки справиться с концептуальными затруднениями можно сравнить с положением путника, сбившегося с правильного маршрута, и уже было отчаявшегося найти спасительный выход. Чтобы достичь конечного пункта или выбраться на правильную дорогу, нам всегда необходим надежный ориентир, так как «невозможно достигнуть места назначения, если не знаешь, куда направляешься» [4, с. 7]. Поэтому метафора о «странствиях» Л. Витгенштейна подразумевает, что составленные им наброски должны служить своего рода указателями верного направления в случае столкновения с мысленными (концептуальными) замешательствами. Всякий, кто впервые обращается к чтению «Философских исследований», думаем, может воспользоваться некоторыми рекомендациями Л. Витгенштейна. Эта книга насыщена многочисленными примерами, она не похожа на классическое сочинение по философии, в ней отсутствует четкая система и строгая последовательность изложения по четко сформулированному плану. Заметки Л. Витгенштейна требуют от читателя напряженной мыслительной работы, связанной с необходимостью выявлять основные утверждения автора, отслеживать структуру его аргументации, переходы между общими и частными суждениями, находить релевантные ответы на поставленные вопросы. Лишь при соблюдении данных условий возможно постигнуть суть парадоксальных примеров австрийского фи-

лософа, направленных на решение серьезных концептуальных задач. Кроме того, рассуждения Л. Витгенштейна можно правильно понять только вместе с усвоением его метода, призванного устранять философские замешательства [5, с. 128]. Однако многоголосие «Философских исследований» – автора текста, его внутреннего и предполагаемого внешнего оппонента – доставляют нам трудности. Способы постижения того, что именно хотел сказать автор, не являются легкими, если мы не знаем, как распознать его подлинный голос. Возможно, все сказанное Л. Витгенштейном является для нас открытым вопросом. Отправной пункт рассуждений австрийского мыслителя совпадает с отправным пунктом читателя и имеет форму философской проблемы, описанной в § 123. Чтобы понять, каким образом он пришел к предложенному им стилю изложения текста, необходимо проследить эволюцию его философских установок, начиная с раннего периода творчества.

Раннее произведение Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат» (1921) является совершенно иным по форме изложения: текст работы выглядит как строгое, системно выстроенное философское сочинение, в котором размышления автора располагаются как бы у всех на виду [6]. Видимо, поэтому кажется, что тот путь размышления, который проделал автор, является понятным и узнаваемым, и мы способны его повторить снова. Но парадоксальный или «темный» характер отдельных высказываний «Логико-философского трактата» разоблачает нашу изначальную уверенность. И мы готовы через какое-то время пересмотреть свою исходную позицию. В представленной статье мы постараемся прояснить, почему Л. Витгенштейн рассматривает формулу «ничего не говорить» [6, с. 72] как правильный метод философии. Ответить на этот вопрос помогает обнаруживаемая внутренняя взаимосвязь между подходом Л. Витгенштейна к философии и его логической теорией. Предложенная в исследовании интерпретация метода Витгенштейна основывается на идее преемственности разных периодов его творчества.

2. Все есть одно

Чтобы усвоить главные концепты и положения ранней работы Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат», нам необхо-

димо обратиться к анализу его тезисов, которые выглядят как четкие, строгие определения:

«4. Мысль – осмысленное предложение» [6, с. 18]. «3.5. Примененный, обдуманый, знак-предложение есть мысль» [6, с. 18]. 4.01. «Предложение – картина действительности» [6, с. 19].

«2.1. Мы создаем для себя картины фактов». «2.12. Картина – модель действительности». «2.141. Картина – факт» [6, с. 8]. «3.142. Выразить смысл способны лишь факты, класс имен этого не может». «3.14. Знак-предложение – факт» [6, с. 11]. «3.3. Только предложение имеет смысл; имя обретает значение лишь в контексте предложения» [6, с. 13].

Мысль, предложение, картина и факт, – все эти феномены, выражаемые в понятиях, объясняются и определяются в *Трактате* посредством друг друга: мысль – это предложение, предложение есть факт, картина – это факт, знак-предложение – это факт. И если мы рассмотрим тезисы 3.142 и 3.3 вместе, то поймем, что только факты могут выражать смысл, и только предложение имеет смысл. Другими словами, Л. Витгенштейн заявляет, что предложения являются фактами (и, возможно, наоборот). Анализируя изобразительную теорию языка, изложенную в «Логико-философском трактате», можно сказать, что факт, предложение, мысль и картина – все это берется в одном значении – или, как утверждается в данной работе, все это есть одно. Вот что, например, говорится о связи языка и мира в афоризме 4.014: «Грамофонная пластинка, музыкальная тема, нотная запись, звуковые волны – все они находятся между собой в таком же внутреннем отношении отображения, какое существует между языком и миром. Все они имеют общий логический строй. (Как в сказке о двух юношах, их лошадях и их лилиях. Все они в определенном смысле есть одно)» [6, с. 19].

Когда Л. Витгенштейн упомянул в примере сказку, то, вероятно, он имел в виду сказку братьев Grimm «Золотые дети», в которой говорится о том, что рыбак выловил золотую рыбу, способную исполнить любое его желание. Рыба предложила рыбаку разрезать ее на шесть частей, из них две дать жене, две – лошади, а две части закопать в землю в саду. Спустя какое-то время жена рыбака родила двух золотых близнецов (героев

сказки), лошадь – двух золотых жеребят, а в саду из двух закопанных кусков выросли две золотые лилии. Жеребята, братья-близнецы и лилии связаны между собой таким образом, что когда одному из братьев угрожала опасность, лилия увядала, а когда он спасался, лилия сразу же зацветала. В определенном смысле они все есть одно, как утверждает Л. Витгенштейн. Давайте рассмотрим, каким образом происходит нечто похожее, когда речь заходит об отношениях между логикой и философией в *Трактате*.

Следует отметить, что составной частью реализованного в *Трактате* проекта является формулирование веских аргументов против ошибочного, как полагает Л. Витгенштейн, представления Г. Фреге и Б. Рассела относительно логики как учения. Высказывания последних о предложениях логики как выражениях мысли обусловлены неверным пониманием ее природы. Такой вывод следует из обоснованной в *Трактате* концепции языка и мира. Л. Витгенштейн характеризует предложения логики как описывающие (или изображающие) *каркас* мира [6, с. 62]:

«5.43. «Но все предложения логики говорят одно и то же. Собственно, ничего» [6, с. 43]. «6.1222. <...> логические предложения не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты оптом. Предложение логики должно быть не только неопровергаемо, но и неподтверждаемо каким-то возможным опытом» [6, с. 61].

«6.124. Логические предложения описывают каркас мира, или же, скорее, они изображают его. Они ни чем не «повествуют». <...> Разумеется, то что некоторые сочетания символов – с присущим им определенным характером – являются тавтологиями, должно как-то уведомлять о мире» [6, с. 62].

«6.13. Логика не учение, а отражение мира. Логика трансцендентальна» [6, с. 64]. «6.22. Логику мира, которую предложения логики показывают в тавтологиях, математика показывает в уравнениях» [6, с. 64].

Нужно обратить внимание на то, что в *Трактате* представлен такой взгляд на логику, в соответствии с которым она «ни о чем не «повествует», а логические предложения сами по себе не являются ни истинными, ни ложными, что как-то «должно уведомлять о мире» [6, с. 62].

Теперь давайте сопоставим эти рассуждения Л. Витгенштейна о логике с его высказываниями о «философии», прежде всего, приведем его знаменитый пассаж о «правильном методе философии»:

«6.53. Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний науки, – следовательно, чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией. – А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил значением определенные знаки своих предложений. Это метод не приносил бы удовлетворения собеседнику – он не чувствовал бы, что его обучают философии, – но лишь такой метод был бы безупречно правильным» [6, с. 72]. Философия, таким образом, характеризуется Л. Витгенштейном как деятельность, «критика языка» [6, с. 19], которая позволяет прояснить смысл предложений. Она должна помочь высветить смысл фундаментальных предложений в конкретной области научного знания [7, с. 23].

«4.111. Философия не является одной из наук. (Слово «философия» должно означать нечто, стоящее под или над, но не рядом с науками.)» [6, с. 24]. «4.112. Цель философии – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии не «философские предложения», а достигнутая ясность предложений. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми» [6, с. 24].

Итак, из тезисов 4.111–4.112 мы узнаем, что философия – не учение и не наука; философское исследование не направлено на получение истинных высказываний и его результатом не являются «философские предложения». Целью философии провозглашается «логическое прояснение мыслей». Все это ясно указывает на наличие тесной взаимосвязи между пониманием природы логики и философии в ранней работе Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат». Он отвергал представление, согласно которому философия должна давать «объяснение». Философские проблемы носят концептуальный, а не эмпирический характер, их появление обусловлено нарушением логики нашего

повседневного языка. Как меняется позиция Л. Витгенштейна относительно природы философских проблем в поздний период его творчества? Для этого обратимся к анализу двух его сочинений: «Философские исследования» и «О достоверности».

3. «Грамматический маневр» как способ открытия нового взгляда на вещи

Изложенное в «Логико-философском трактате» представление о назначении философии трансформируется в поздний период научной деятельности Л. Витгенштейна в сторону ее полного отрицания как теории: «Философия просто все предъявляет нам, ничего не объясняя и не делая выводов» [2, с. 130], «Нам не надо развивать какую-либо теорию. Нам следует отказаться от всякого объяснения и заменить его только описанием» [2, с. 130].

Ссылаясь на эти высказывания, П. Мэдди квалифицирует витгенштейновский подход как «антифилософию», которая не пытается что-то объяснить или создать истинные философские теории [8, с. 49].

Теперь снова вернемся к предложенной Л. Витгенштейном форме философской проблемы: «я в тупике». Связь между данной формой и ролью заметок, которые он называет в «Философских исследованиях» «грамматическими» или «логическими», состоит в том, чтобы сделать явным для нас то, что хорошо известно. Логико-грамматические изыскания не информируют нас о чем-либо, скорее они служат указателями, которые, вполне возможно, потребуются нам на пути к достижению поставленной цели. Л. Витгенштейн не позволяет читателю отвлечься от основного вопроса: «Что такое философия?». Однако мы не находим ясный ответ на этот вопрос в тексте. Вместо этого австрийский философ предлагает нам разрешить какое-то новое философское затруднение, часто оставляя предыдущий вопрос открытым, а затем он переходит к рассмотрению других концептуальных головоломок. Возможно, с точки зрения Л. Витгенштейна, именно такая деятельность, заключающаяся в непрерывной постановке все новых и новых вопросов, связанных с обсуждением определенных форм языковых выражений, и должна именоваться «философией». К тому же его рассуждения о природе философии подчас кажутся нам парадоксальными. С од-

ной стороны, Л. Витгенштейн занимает позицию крайнего скептицизма в отношении философии, что обнаруживается в его жесткой линии по отношению к традиционной философии, с другой – он пытается в определенной мере смягчить свою позицию, что выражается в его высокой оценке подлинной глубины философских проблем [5, с. 129].

Для того чтобы понять, каким образом приводимые Л. Витгенштейном многочисленные примеры можно рассматривать в качестве способа правильного философствования, обратимся к отрывку из книги «Голоса Витгенштейна»: «Мы хотим рассмотреть пример, чтобы прояснить метод, которому мы следуем. Фреге критикует взгляд, согласно которому арифметика есть просто игра с символами. <...> Мы могли бы сказать: «Давайте полностью отбросим вопрос, является ли арифметика игрой или нет!». Ясно одно: здесь должна существовать определенная взаимосвязь, иначе никто не смог бы прийти к этой идее. Поэтому давайте рассмотрим, какие существуют игры! Давайте тогда сопоставим это исследование игр с исследованием арифметики и прольем свет на другое! Будем совершенно нейтральными, не станем делать утверждений, и позволим вещам говорить самим за себя! Это есть отправная точка для нашего исследования языка. Мы хотим избежать догматизации, оставив язык таким, какой он есть, и сопоставить его с грамматической картиной, особенности которой находятся под полным нашим контролем. Мы создаем как бы идеальный пример, но не утверждаем, что он согласуется с чем-то. Мы создаем его единственно для того, чтобы получить образец, с которым сравнивается язык; как аспект, который, так сказать, в силу того, что ничего не утверждает, не является также ложным» [9, р. 279].

Здесь имеется в виду, что наброски, которые Л. Витгенштейн делает во время своих философских «странствий», могут быть поняты как примеры разнообразных языковых игр. Процитированный отрывок указывает на то, что «грамматические картины» (или примеры) демонстрируют и напоминают нам об определенном «аспекте языка». При этом они ничего не утверждают и не объясняют. Разнообразие и изменчивость социального и природного мира обусловлены динамичной грамматической структурой естественного

языка, которая позволяет нам смотреть на вещи под разным углом зрения. Что, например, произошло, когда неожиданно для себя вы оценили в знакомой вам картине то, что раньше никогда не замечали? Открыли ли новый объект или просто изобрели новый способ видения? «Эту новую точку зрения, – говорит Л. Витгенштейн, – ты толкуешь как видение нового объекта. Предпринятый тобой же грамматический маневр ты толкуешь как квазифизическое явление, которое наблюдаешь. (Подумай, например, над вопросом: «Является ли чувственно данное тем материалом, из которого строится Вселенная?») Но безупречно мое выражение: ты предпринял «грамматический» маневр. Прежде всего, ты открыл новый взгляд на вещи. Это подобно тому, как если бы ты изобрел новый стиль живописи; или новый стихотворный размер, или же новый вид пения» [2, с. 205].

Безотносительно к первоначальной причине возникновения философской проблемы ее итогом является испытываемое нами замешательство, которое невозможно устранить обычными средствами. Выдвижение еще одной философской теории ведет к усугублению возникшей проблемы. Согласно Л. Витгенштейну, вместо построения новых теорий, философ должен сосредоточиться на раскрытии лингвистических трюков, которые подталкивают нас философствовать [8, с. 51].

4. Философствовать без утверждений

В работе «О достоверности» Л. Витгенштейн отмечает, что с философской точки зрения «интересно не то, знает ли Мур одно или другое, а – что и как может быть познано» [10, с. 333]. Другими словами, мы все знаем то же, что и Дж.Э. Мур, но оказываемся не в состоянии объяснить, каким образом все это знаем [10, с. 378, 386]. Частично позицию Л. Витгенштейна можно описать словами, заимствованными из *Трактата*, тезис 6.124: мы все знаем то, что говорит Дж.Э. Мур, он знает то, что «должно как-то уведомлять о мире» [6, с. 62]. Л. Витгенштейн в своем исследовании «О достоверности» обратил внимание на то, как трудно представить себе, почему кто-то должен верить в противоположное тому, о чем утверждает Дж.Э. Мур. Предложения последнего похожи на тавтологии, рассматриваемые в *Трактате*, в том смысле, что они «допускают любую из воз-

можных ситуаций» [6, с. 34]. Поскольку ничто в нашей картине мира не свидетельствует об обратном, мы можем также заявить, что они являются тривиальными (или обыденными) [10, с. 335].

Л. Витгенштейн указывает, что «логические предложения» описывают понятийную или языковую ситуацию, и что «к логике относится все то, что описывает ту или иную языковую игру» [10, с. 330]. Данное здесь утверждение напоминает нам главную тему в «Логико-философском трактате»: логическая форма языка, мышления и мира не может отображаться в предложениях [6, с. 25]. В работе «О достоверности» Л. Витгенштейн выдвигает гипотезу о том, что предложения, в которых Дж.Э. Мур утверждает, что «знает» что-то, функционируют в качестве предпосылки, отталкиваясь от которой мы различаем истинное и ложное. И Л. Витгенштейн говорит о них как «элементе» внутри системы, в которой наши аргументы обретают жизнь [10, с. 335, 336].

Он также предполагает, что некоторые предложения формируют «*остов* наших размышлений» [10, с. 348]. Следует обратить внимание, что подобная метафора употребляется Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате» и «Философских исследованиях». В тезисе 6.124 *Трактата* Л. Витгенштейн применяет слово «каркас» (scaffolding, нем. Gerüst) как метафору в отношении логики или «логической формы» и указывает, что логические предложения изображают логическую форму, и что мы можем рассматривать логические предложения как описание логики.

В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн пишет: «§ 240. Не прекращаются споры (скажем, среди математиков) о том, соблюдено правило или же нет. При этом, положим, до драки дело не доходит. Это присуще тому каркасу, на котором базируется работа языка (например, при описании)» [2, с. 170]. Схожее утверждение мы находим в тексте «О достоверности» в § 83: «*Истинность* определенных эмпирических предложений относится к нашей системе референций» [10, с. 333]. Там же в § 81 говорится следующее: «То есть: формулируй я какие-то ложные высказывания, — было бы неясно, понимаю ли я их» [10, с. 333].

Метафора *каркаса* (остова, строительных лесов, scaffolding) обнаруживается в замечаниях, где Л. Витгенштейн приводит пример разговора с другом из Нью-Йорка по телефону, который рассказывает о том, что на его деревьях такие-то почки. Убедился ли я, спрашивает Л. Витгенштейн, в том, что представляет собой его дерево, например магнолия, и что земля существует. Он продолжает далее вопрошать в § 210: «Укрепляет ли телефонный разговор с Нью-Йорком мое убеждение, что Земля существует? Многого кажется нам твердо установленным, и оно выпало из движения. Оно, так сказать, отведено в тупик» [10, с. 348]. Далее в § 211 говорится: «Теперь оно дает форму нашим размышлениям, нашим изысканиям. Может быть, когда-то оно оспаривалось. Но возможно, что оно и с незапамятных времен принадлежало *остову* наших размышлений. (Каждый человек имеет родителей)» [10, с. 348].

Мы обратили внимание на то, что слово «остов» (или каркас) является тем фоном, который формирует среду нашего языкового употребления. Ту самую среду, которая питает концептуальные замешательства и прояснить которые намеревался Л. Витгенштейн в своих исследованиях. Л. Витгенштейн, таким образом, берет предложения Дж.Э. Мура и помещает их в различные социальные контексты. То есть Дж.Э. Мур является одним из тех, кто делает утверждения (например, он знает одно или другое), а Л. Витгенштейн демонстрирует, что некоторые знаки в предложениях Дж.Э. Мура — например, «Я знаю» — лишены значения. Л. Витгенштейн показывает, что в своих повседневных высказываниях, в частности, где употребляется фраза «Я знаю», мы доходим до предельного когнитивного уровня, до той границы, когда невозможно предложить уже никакого обоснования или поставить под сомнение истинность предложения.

6. Заключение

Отправной точкой для проведения Л. Витгенштейном своих философских исследований стало стремление осмыслить и проанализировать те безвыходные ситуации концептуального характера, в которых может оказаться человек, если он вовлечен в философские поиски. Применяемая Л. Витгенштейном метафора о «странствиях» означает,

что составленные им наброски должны служить своего рода указателями верного направления движения мысли в случае столкновения человеческой личности с концептуальными замешательствами. Философия не должна давать «объяснение». Философские проблемы, по Л. Витгенштейну, носят концептуальный, а не эмпирический характер, их появление обусловлено нарушением логики повседневного языка.

Суть правильного метода философии Л. Витгенштейна – «ничего не говорить», – раскрывается через анализ внутренней взаимосвязи между подходом Л. Витгенштейна к философии и его логической теорией. Данная взаимосвязь прослеживается в основных работах Л. Витгенштейна, охватывающих разные периоды его творчества. Вместо построения новых теорий философ должен заниматься выявлением лингвистических трюков, которые подталкивают нас философствовать.

В работе «О достоверности» Л. Витгенштейн выявляет тот уровень повседневных высказываний, который не нуждается в логическом или эмпирическом обосновании. Такие высказывания, демонстрируемые Дж.Э. Муром, составляют фундамент нашего жизненного опыта, они выполняют логическую функцию правил в языковых играх. Поэтому можно интерпретировать исследования Л. Витгенштейна в его поздней работе как способ философствования без утверждений.

Список литературы

1. *Медведев Н.В.* Трансформация философии (К 125-летию со дня рождения Людвиг Витгенштейна) // *Философские традиции и современность*. 2014. № 1 (5). С. 63-79.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л. Философские работы*. Ч. 1: пер. с нем. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 75-319.
3. *Gisela S.* On saying nothing: Wittgenstein's conception of the right method // *Analytical and Continental Philosophy: Papers of the 37-th International Wittgenstein Symposium*. Vol. 22 / ed. by S. Rinofner-Kreidl, H.A. Wilsche. Kircheng am Wechsel, 2014. P. 18-20.
4. *Найт Дж.Р.* Философия и образование. Введение в христианскую перспективу / пер. с англ., предисл. и примеч. М.В. Бахтина. СПб.: Анима, 2001. 244 с.
5. *Медведев Н.В.* Практический смысл метафилософии Витгенштейна // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 9. С. 127-138.
6. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л. Философские работы*. Ч. 1: пер. с нем. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 1-75.
7. *Медведев Н.В.* Философия Людвиг Витгенштейна и проблемы понимания иных культур: монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. 382 с.
8. *Медведева Е.Е.* Философия математики Людвиг Витгенштейна: монография. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 192 с.
9. *The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle: Ludwig Wittgenstein and Friedrich Waismann* / ed. by G. Baker; trans. G. Baker, M. Mackert, J. Connolly, V. Politis. Routledge, 2003. 608 p.
10. *Витгенштейн Л.* О достоверности // *Витгенштейн Л. Философские работы*. Ч. 1: пер. с нем. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 130, 321-411.

References

1. Medvedev N.V. Transformatsiya filosofii (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya Lyudviga Vitgenshteyna) [Philosophy transformation (To the 125th anniversary of Ludwig Wittgenstein's birthday)]. *Filosofskie traditsii i sovremennost'* [Philosophical traditions and modernity], 2014, no. 1 (5), pp. 63-79. (In Russian).
2. Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya [Philosophy investigation]. *Filosofskie raboty* [Philosophical works], part 1, trans. from German. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 75-319. (In Russian).
3. Gisela S. On saying nothing: Wittgenstein's conception of the right method. *Analytical and Continental Philosophy: Papers of the 37-th International Wittgenstein Symposium*. 2014, vol. 22, eds. S. Rinofner-Kreidl, H.A. Wilsche. Kircheng am Wechsel, 2014, pp. 18-20.
4. Nayt Dz.R. *Filosofiya i obrazovanie. Vvedenie v khristianskuyu perspektivu* [Philosophy and education. Introduction to orthodox prospects], trans. from English, foreword and comments by M.V. Bakhtin. St. Petersburg, Anima Publ., 2001. 244 p. (In Russian).
5. Medvedev N.V. Prakticheskiy smysl metafizologii Vitgenshteyna [Practical sense of Wittgenstein's metaphilosophy]. *Sotsial'no-gumani-tarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge], 2016, no. 9, pp. 127-138. (In Russian).
6. Wittgenstein L. Logiko-filosofskiy traktat [Logical and philosophical tractate]. *Filosofskie raboty* [Philosophical works], part 1, trans. from German. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 1-75. (In Russian).

7. Medvedev N.V. *Filosofiya Lyudviga Vitgenshteyna i problemy ponimaniya inykh kul'tur* [Philosophy of Ludwig Wittgenstein and problems of understanding another culture]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2009. 382 p. (In Russian).
8. Medvedeva E.E. *Filosofiya matematiki Lyudviga Vitgenshteyna* [Ludwig Wittgenstein's Philosophy of mathematics]. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2016. 192 p. (In Russian).
9. The Voices of Wittgenstein: The Vienna Circle: Ludwig Wittgenstein and Friedrich Waismann, ed. G. Baker, trans. G. Baker, M. Mackert, J. Connolly, V. Politis. Routledge, 2003. 608 p.
10. Wittgenstein L. O dostovernosti [On authenticity]. *Filosofskie raboty* [Philosophical works], part 1, trans. from German. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 130, 321-411. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.07.2016 г.
Received 14 July 2016

UDC 1(091)

ABOUT HOW TO PHILOSOPHIZE PROPERLY: L. WITTGENSTEIN'S METHOD

Nikolay Vladimirovich MEDVEDEV

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy, and Methodology of Science Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: philosophy.tsu@mail.ru

Evgeniya Evgenyevna MEDVEDEVA

Candidate of Philosophy, Lecture of Information Technologies Department of University Polytechnic College "Radio-politekhnikum"

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

29 Politekhnikeskaya St., St. Petersburg, Russian Federation, 195251

E-mail: sem.23@mail.ru

L. Wittgenstein's view on the correct way of philosophizing, presented in his major works: "Tractatus Logico-Philosophicus", "Philosophical Investigations", "On Certainty" are examined. It reveals the inner relationship between the philosophical concept of L. Wittgenstein and the logical theory. This relationship helps explain why L. Wittgenstein considers the formula of "nothing to say" as a proper method of philosophy. The proposed interpretation of L. Wittgenstein's method is based on the idea of the continuity of the different periods of his work. The starting point for his philosophical studies of L. Wittgenstein was the desire to comprehend and analyze the hopeless situation in which a person may be, if it is involved in a philosophical quest. The metaphor of the L. Wittgenstein's "journeys" means that they have created an outline to serve as a pointer right direction in the case of the human personality clashes with the conceptual confusion. The purpose of philosophy is proclaimed as "the logical clarification of thoughts". All this clearly indicates that there is a close relationship between the understanding of the nature of logic and philosophy in the early work of L. Wittgenstein's "Tractatus Logico-Philosophicus". L. Wittgenstein rejected the notion that philosophy must give "an explanation". Philosophical problems are conceptual rather than empirical in nature, their appearance is due to a violation of the logic of everyday language. Such an understanding of the nature of philosophical problems L. Wittgenstein saved in the late period of his work.

Key words: L. Wittgenstein; philosophical problem; logic method; proposition; language; language game

Информация для цитирования:

Медведев Н.В., Медведева Е.Е. О том, как правильно философствовать: метод Л. Витгенштейна // Вестник Тамбовского университета. Серия Общественные науки. Тамбов, 2016. Т. 2. Вып. 3 (7). С. 5-12.

Medvedev N.V., Medvedeva E.E. O tom, kak pravil'no filosofstvovat': metod L. Vitgenshteyna [About how to philosophize properly: L. Wittgenstein's method]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Obshchestvennye nauki – Tambov University Review. Series: Social Sciences*, 2016, vol. 2, no. 3 (7), pp. 5-12. (In Russian).